УДК 930.272

А. Е. Карначёв

РНБ греч. 113: перевод сочинений Арнальдо де Вилланова на греческий язык, выполненный на латинском востоке в XIV столетии

Уникальная рукопись *РНБ греч. 113*, содержащая перевод католических религиозно-мистических трактатов и проповедей на греческий язык, стала известна ученым уже с начала XVIII в., когда ее описал Бернар де Монфокон в составе библиотеки Анри Коаленя, епископа Меца, — т. е. со времени выхода в свет самого первого в Европе научного описания греческих рукописей[1]. Кодекс из 223 пергаменных листов in 8º ныне заключен в картонный переплет XVII в. с золотым тиснением: на верхней крышке изображен фамильный герб канцлера Франции Пьера Сегье (1588–1672), на нижней — монограмма *PSq* («Petrus Sequerius»). По-видимому, это одна из 116 рукописей, конфискованных в августе 1655 г. у греческого иеромонаха Афанасия Ритора, поставлявшего в 1643–1653 гг. в Париж манускрипты с греческого Востока для кардинала Мазарини и канцлера Сегье, деда Коаленя[2]. Последний владелец коллекции, заказавший ее

[1] *Montfaucon B. de.* Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana. Paris, 1715. P. 585. № CCCLXXIX, olim XXXVI.

[2] Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris 1945. P. VII. — Впервые рукопись фигурирует под № 36 в описи имущества покойного канцлера, Ms. *BNF lat. 11878*, ff. 107–118v. Опись издана в 1686 г., но без номеров (Ibid., p. X, n. 1). Афанасий, помимо родного для него Кипра, совершал путешествия за манускриптами на Афон, в Фессалоники и Метеорские монастыри (см.: *Omont H.* Missions archéologiques françaises en Orient au XVIIe et XVIIIe siècles. I. Paris, 1902. P. 1–26).

подробное описание монаху-бенедиктинцу из парижской обители Сен-Жермен, между 1715 и 1720 гг. передал рукописи на хранение в этот монастырь[3], а в 1731 г. завещал их аббатству в вечное пользование. Там собрание пребывало в относительной целости до пожара 1791 г., а затем 7 греческих манускриптов из него, включая наш, попали в Россию[4].

Свой нынешний номер «113» рукопись получила в описании греческих манускриптов Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, составленном Эдуардом де Муральтом в середине XIX в.[5] Отсюда сведения о ней попали в многотомную «Историю французской литературы» Виктора Ле Клерка, поскольку Э. де Мюральт ошибочно посчитал необычное произведение переводом на греческий язык богословских сочинений провинциального прованского епископа, доминиканца Раймонда Медульонского (*лат.* Raymondus Mediolanensis), близкого к неаполитанскому королю Карлу II Анжуйскому, графу Прованса[6]. Название замка Медульон (*фр.* Meduillion), расположенного в округе Гап кантона Амбрён, действительно появляется в колофоне рукописи на л. 223, где указаны и точная дата составления *последней речи* сборника: «за три дня до праздника блаженной подруги (τῆς μακαρίας ἀγαπητρίας) Господа нашего, Марии Магдалины, в год от Его [пришествия] 1292»[7]. Таким образом, авторство сочинений было выведено аналитически из списка прелатов указанной области. Долгое время после Муральта и Ле Клерка считалось, что это и есть правильная атрибуция всей рукописи. Так думали арх. Амфилохий (П. И. Сергиевский-Казанцев), описавший «точно датированную» рукопись с приведением снимка из нее, а также А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели, включившие ее в свой альбом датированных греческих рукописей[8]. Того же

[3] В 1719 г. ее видели там историки доминиканского ордена Ж. Кетиф и Ж. Эшар (см.: *Quétif J., Echard J.* Scriptores ordinis praedicatorum. Paris, 1719. T. I. P. 937–938).

[4] На 1-м листе рукописи читаем: «Ex Musaeo Petri Dubrowsky». Всего в коллекции русского дипломата П. П. Дубровского (1754–1816) числится 23 греческие рукописи (Петр Дубровский и его коллекция. / Сост. Н. А. Елагина, О. В. Васильева, И. В. Дацюк. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2004. С. 17).

[5] *Muralt E. de.* Catalogus codicum bibliothecae Imperialis publicae graecorum et latinorum. Petropoli, 1840. P. 24–25; *Muralt E. de.* Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imperiale Publique. SPb., 1864. P. 65–66.

[6] Raymond de Medullione dominicain, évêque de Gap, archévêque d'Embrun // Le Clerk V. Histoire littéraire de la France. Paris, 1842. T. XX. P. 252–266.

[7] То есть 19 июля. Необычный «титул» Магдалины является переводом соответствующего латинского выражения: beata amatrix.

[8] *Амфилохий, архим.* Описание греческих рукописей XIII–XIV вв. определенных лет. М., 1879. Т. III. С. 18. Табл. 9; Exempla Codicum Graecorum Litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum / Ed. G. Cereteli, S. Sobolevski. M,, 1913. Vol. Alterum: Codices Petropolitani. Supplementum. Tab. XXXIX[a]. (Иллюстрация ошибочно подписана: PHILIPPI MONACHI DIOPTRA).

мнения придерживалась Е. Э. Гранстрем, составитель последнего на сегодня действующего каталога греческого фонда РНБ[9].

Что собой представляет эта рукопись на самом деле, на Западе стало понятно в 1932 г., когда испанский медиевист Иоахим Каррерас Арто обратил внимание на дословное совпадение начала одного из греческих трактатов (№ 8 (9) в рукописи, л. 186–223) с латинским инципитом сочинения «Allocutio super significatione nominis Tetragrammaton...» знаменитого средневекового медика Арнольда из Виллановы (ок. 1240–1311, *фр.* Arnaud de Villeneuve, *катал.* Arnau de Vilanova), состоявшего придворным врачом сицилийских и арагонских королей и римских пап Бенедикта XI и Климента V[10]. Это открытие побудило Карререраса более пристально исследовать все существовавшие на тот момент описания ленинградского манускрипта. Ему удалось установить, что инципиты четырех трактатов *РНБ греч. 113* (№ 5, 7, 8, 9) соответствуют латинским вариантам сочинений Арно, содержащимся в авторизованной рукописи *Vat. lat. 3824*, а начала еще четырех трактатов (№ 1–4) совпадают с инципитами на каталонском языке, цитируемыми в обвинительном заключении суда инквизиции г. Таррагона над Арнольдом из Виллановы от 6 (9) ноября 1316 г.[11] К концу XIX в. были известны и опубликованы итальянские версии трактатов Виллановы, соответствующие № 2 и 3 петербургской рукописи[12], а в 1925 г. был опубликован каталонский «оригинал» трактата № 3, сохранявшийся в единственном списке *Morella IV* (Испания), впоследствии погибшем[13]. Наконец, трактат № 6 из нашего кодекса не поддавался точной идентификации, но также определенно должен был принадлежать, по мнению Карререраса, Арнольду, поскольку затрагивал темы, поднимавшиеся в ходе его полемики с богословами Парижского университета в 1299–1300 гг.

---

[9] *Гранстрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. Рукописи XIII века // Византийский временник. 1964. Т. XXIV. С. 176–178. № 450.

[10] *Carreras A, J.* Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1932. Vol. 8. P. 1–8, 127–134.

[11] См.: *Mendez y Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. 2 ed. Madrid, 1918. T. 3. P. CXXV–CXXVII (125–127). — Суд над Арнольдом, бывшим папским приближенным, стал возможен, когда в очередной раз сменилась власть в Авиньоне. Доктор-прозелит был посмертно проклят как еретик за неканонические взгляды, которые он отстаивал в спорах с последователями школы Фомы Аквинского в Париже в 1299–1300 гг. (см.: *Hauréau B.* Arnauld de Villeneuve, médecin et chimiste // Histoire littéraire de la France. Paris, 1881. T. XXVIII. P. 26–126, 487–490; *Haven M.* La vie et les oeuvres de maître Arnauld de Villeneuve. Paris, 1896).

[12] *Tocco F.* Due opuscoli inediti di Arnoldo da Vilanova // Archivio Storico Italiano. 1886. Vol. 18. P. 459–460. Трактат № 2 известен также в переводе на неаполитанский диалект, составленном, вероятно, при дворе Роберта II Анжуйского (см.: *Manselli R.* La religiosità d'Arnaldo da Vilanova // Bulletino dell'Istitutto Storico per il Medioevo e Archivo Muratoriano. 1951. Vol. 63. P. 60–76; *Santi F.* Gli «scripta spiritualia» di Arnau de Vilanova // Studi Medievali. 1985. Vol. III (26). P. 995–996, 1003. № 44–46, 78).

[13] *Изд.: Betí M.* El text catala de la «Informatio Beguinorum vel Lectio Narbonae» d'A. de Vilanova // Festgabe zum 70sten Geburtstag H. Finke. Münster, 1925. S. 189–199 (= *Batllori M.* Arnau de Vilanova. Obres catalanes. Barcelona, 1947. Vol. I. P. 141–166).

Преемник Каррераса кардинал Микель Батллори обнаружил итальянские версии трактатов № 1–3 в рукописи Национальной библиотеки Флоренции (BNCF) *G.III.368*, а латинские тексты трактатов № 5 и 7 нашел также в рукописи *Vat. Borgh. 205*[14]. В 1964 г. по микрофильму всей греческой рукописи, заказанному в ГПБ, М. Батллори осуществил «обратный» перевод трактата № 4 с греческого на каталонский язык[15].

В СССР об этом археографическом открытии стало известно лишь в 1984 г., когда в «Византийском временнике» появилась статья И. П. Медведева с новыми данными о рукописи *РНБ греч. 113*[16]. Установлению научной истины, по признанию автора, содействовал сам падре Микель Батллори.

Наконец, в 2002 г. греческая рукопись была полностью издана в Барселоне с латинскими, итальянскими и каталонскими параллелями профессором университета Хуаном Надаль-и-Канельясом[17]. Ознакомившись летом 2012 г. в Национальной библиотеке Испании с замечательным *editio princeps* этого редкостного перевода на греческий язык — одного из немногих, появившихся до эпохи Ренессанса, автор настоящей статьи решается сделать несколько поправок и дополнений к нему, основанных на непосредственном обращении к рукописи[18].

* * *

По мнению издателя, критика рукописи, как внешняя (кодикологическая), так и внутренняя (текстологическая), приводит к убеждению в южноитальянском происхождении списка. Перевод сочинений, содержащихся в *РНБ греч. 113*, обнаруживает влияние каталонского языка — родного языка Виллановы. Переводчиком следует считать грека, однако не духовное визан-

[14] *Batllori M.* Les versions italianes medievals d'obres religioses de Mestre Arnau de Vilanova // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. 1951. Vol. 1. P. 395–462 (= *Idem.* Arnau de Vilanova i l'Arnaldisme. Obra completa. Barcelona, 1994. Vol. III (Biblioteca d'Estudis i Investigacions 20). P. 213–231).

[15] Поскольку именно на этом языке инципит сочинения фигурирует в акте инквизиции. См.: *Batllori M.S. J.* «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι...». Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum // Miscellanea Melchor de Pobladura. Romae, 1964. Vol. I. P. 215–223.

[16] *Медведев И. П.* Две поправки к Каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ. I. ГПБ, греч. № 113 // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 211–215.

[17] Arnaldi de Villanova tractatus octo in Graecum sermonem versi (*Petropolitanus graecus 113*) nunc primum editi cura et studio *Ioannis Nadal et Cañellas*. Graecitatem textus recensente *Dionisio Benetos*, Universitas Atheniensis doctore. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans, MMII, 2002. — Издатель говорит о *восьми* трактатах, ибо вслед за Б. де Монфоконом объединяет трактаты № 5 и 6 в один; Э. Мюральт и В. Ле Клерк разводили их и всего насчитывали в рукописи *девять* трактатов; Е. Э. Гранстрем также писала о *девяти* сочинениях, входящих в сборник.

[18] Издатель не держал оригинал рукописи в руках. Издание было осуществлено по микрофильму, изготовленному для Института каталонских исследований в 1960-х гг., с которым работал М. Батллори. — См. сн. 15.

тийское лицо, а образованного мирянина, жителя Калабрии или Сицилии. Наконец, заказчиком работы мог быть сам автор, а адресатом — константинопольский патриарх Афанасий I (1289–1293, 1303–1310)[19].

Рукопись *РНБ греч. 113*, на наш взгляд, может считаться выдающимся образцом книжной продукции западной периферии греческой культуры. Помимо изящества инициалов и виньеток-реклам[20], отмеченного издателем, мы можем указать и на отличное качество пергамена, а также на соблюдение правила составления тетрадей «мясо–мясо», «шерсть–шерсть», при котором две страницы любого разворота рукописи имеют одинаковый цвет и фактуру. Обе эти особенности в то же время не совсем укладываются в круг привычных представлений о южноитальянских *греческих* рукописях этого времени. Исследуя в апреле 2014 г. крупнейшее на сегодня греческое рукописное собрание Южной Италии — коллекцию монастыря св. Спасителя «Песчаной Косы» (*di lingua fari*) в Мессине, мы заметили, что ни один из калабро-сицилийских манускриптов XIII–XIV вв., хранящихся в библиотеке Мессинского университета, несопоставим по белизне и мягкости листов с *РНБ греч. 113*, а последовательность сборки и формат тетрадей внутри кодексов могут быть различными. Рядовая рукопись местного производства той эпохи, как правило, представляет собой книгу, сшитую из желтых, коричневых или даже желто-зеленых плотных листов плохо обработанного пергамена, издающих при перелистывании характерный стреляющий звук[21]. На страницах рукописей нередки обширные лакуны (дыры), а края листов столь жестки и неровны, что могут при неосторожном обращении порезать кожу рук! Всё это весьма далеко от скромного и вместе с тем изящного оформления петербургского кодекса произведений Арнольда из Виллановы, написанного на достаточно тонких светлых листах выглаженного пемзой пергамена, составленных в том правильном «монохромном» порядке, который, заметим, одинаково строго соблюдался в скрипториях Константинополя и Западной Европы. Не говорит ли уже это высокое качество писчего материала вкупе с негреческими приемами оформления книги о происхождении ее из латинского скриптория?

Бернар де Монфокон, в обычай которого входило не только описывать рукописи, но и внимательно прочитывать их, коротко отметил в своем каталоге по поводу № 279 (36): *sermo Graecus olet Latinam phrasin*, «греческий язык отдает латынью»[22]. Позиция современного издателя, однако, сводится к тому, что

[19] Arnaldi de Villanova tractatus octo... P. 15–55. Introducció.

[20] Е. Э. Гранстрем отмечала в своем кратком описании кодекса, что это абсолютно первый по времени случай использования реклам — типично западного изобретения — в греческой традиции. Напомним, она считала рукопись датированной 1292 г.

[21] Приписать эти «негативные» свойства пергамена плохим условиям хранения в Мессинской библиотеке мы никак не можем: все просмотренные кодексы отлично переплетены (кроме, разумеется, фрагментов) и лабораторно очищены, а в читальном зале постоянно работает аэратор, поддерживающий необходимый уровень влажности.

[22] См. сн. 1.

«латынью», с которой был сделан перевод некоторых трактатов, был, весьма вероятно, какой-то средневековый народный романский язык, а конкретно — каталонский. Вступительная статья к изданию изобилует примерами речевых ошибок, касающихся характерного каталонского влияния на применение конъюнктива и оптатива в греческом языке рукописи, некорректного употребления наречий и относительных местоимений «на каталонский манер», присутствия в тексте несвойственных греческому языку безличных конструкций, типа ἄνθρωπος εἴποι, соответствующих романским, и в частности каталонской *hom diria*. Аномалии отмечаются издателем и в многократном использовании одних греческих слов вместо других, и в варварском словотворчестве, и в приписывании лексемам несвойственных им значений[23].

Вместе с тем Надаль-и-Канельяс отмечает буквалистскую верность греческого перевода[24]. Ученому удается продемонстрировать это на основе текстологического анализа 3-го трактата, «Lliçó de Narbona» («*Нарбонская лекция, или Наставление бегинок*»), единственного, у которого известна каталонская версия, а также ее итальянское переложение[25]. Многочисленные отступления от норм греческого языка, обнаруженные в тексте профессором Афинского университета д-ром Дионисием Бенетосом (Dionisios Benetos), в основном касающиеся синтаксиса речи, для Х. Надаль-и-Канельяса явились положительным аргументом в цепи его доказательств: *a priori* считая переводы *РНБ греч. 113* калькой сочинений на «вульгарных» языках, он пишет, что находится «в привилегированном положении для понимания текста, созданного греческим переводчиком. Даже крайнюю неправильность синтаксиса перевода мы понимаем как значимое обстоятельство, ибо эта версия стала точнейшей буквалистской передачей текстов, написанных или на испорченной средневековой латыни, или на каталонском, который... является для нас родным языком»[26].

В случае с *РНБ греч. 113* буквалистский метод переводчика доходит до крайности, замечает исследователь, ибо этот книжник заново переводит на греческий язык даже известные библейские цитаты, не пытаясь скопировать их с византийских «канонических» образцов. Отсюда нетрудно прийти к заключению об отсутствии у писавшего знания соответствующих текстов наизусть — чего, скорее всего, не наблюдалось бы, если бы переводчиком было греческое духовное лицо. Таким образом, у исследователей сложилось представление о мирском происхождении писца-переводчика. Х. Канельяс и Д. Бенетос уверены, что речь в любом случае должна идти о греке, и более конкретно, судя по некоторым чертам его греческого диалекта, о сицилийско-калабрийском жителе,

[23] *См.*: Arnaldi de Villanova tractatus octo... / Ed. Ioannis Nadal et Cañellas. P. 23, 33. Примеры № 29–35.

[24] Эта черта отличает и итальянские версии сочинений Арно, по замечанию их издателя, Мигеля Батллори, учителя Х. Надаль-и-Канельяса. — См. сн. 14.

[25] Arnaldi de Villanova tractatus octo... / Ed. Ioannis Nadal et Cañellas. P. 24–29. См. также. сн. 13 и 14.

[26] Ibid. P. 33. — Перевод везде наш. — *А. К.*

«состоятельном византийском торговце» (*un comerciant bizantí benestant*), знавшем каталонский язык и латынь, — однако не в совершенстве, ибо в некоторых случаях он не понимал значения фраз оригинала или же давал неправильный перевод отдельных слов. По этой-то причине, заключают ученые, не будучи тверд в своем знании языков первоисточника, переводчик решил передать имеющийся у него текст слово в слово, и результат этого — тот (ино)странный греческий (*l'estrany grec*), который читается на листах *РНБ греч. 113*[27].

Наряду с чисто филологическими доводами, обосновывающими национальность и место проживания переводчика, говоря о мирском происхождении этого книжника, Х. Надаль-и-Канельяс приводит и такое здравое соображение: если бы переводчик был византийским клириком, он по-другому вел бы себя, когда переводил текст последнего трактата в рукописи, № 8 (9), в котором Арно при интерпретации значения божественного имени-тетраграмматона, как добрый католик, старался доказать исхождение Святого духа «и от Сына» (*filioque*).

Латинские пометы в рукописи

Описывая рукопись Коаленя в 1715 г., Бернар де Монфокон мог заподозрить в ней перевод с латыни в том числе и потому, что редакторские глоссы на полях сборника Виллановы — почти сплошь латинские. Доля слов, которые могут быть прочитаны на народных романских языках, ничтожна[28]. Во времена ученого мавриста истинный автор этих произведений и их оригиналы были неизвестны, однако сейчас, зная латинские, итальянские, испанскую и каталонскую версии богословских сочинений доктора, можно по-новому оценить качество греческого перевода и то, какую роль сыграла латинская редактура в истории рукописи.

Анализируя во «Ведении» к своему изданию лишь 3-й трактат из рукописи *РНБ греч. 113*, текст которого не сохранился (или никогда не существовал?) на латыни, Хуан Надаль-и-Канельяс определил функцию латинских глосс на полях как коррекционную:

«...латинские слова на полях не сводятся к простым переводам некоторых греческих терминов, которые могли бы показаться сложными читателю XIV века, но являются верным и точным исправлением тех греческих слов, которые, кажется, не удались переводчику. <...> редактор, как нам кажется, достаточно хорошо знал греческий язык, хотя тот и не был для него родным; будь это иначе,

[27] Ibid. P. 35. Вывод о состоятельности или благополучии создателя перевода следует, вероятно, из общей дороговизны предпринятой работы: рукопись, подобная *РНБ греч. 113*, могла обеспечить существование семьи переводчика и/или переписчика в течение многих месяцев, если не лет.

[28] В основном это обозначения реалий средневекового быта, например названия предметов одежды.

он мог бы просто приписывать рядом правильную [греческую] форму, вместо того чтобы отмечать с помощью латыни, что перевод неудовлетворителен»[29].

Однако здесь же издатель замечает, что исправление, улучшение греческого текста «Нарбонской лекции» при помощи латинских глосс далеко не всегда очевидно. Переведенными на латынь зачастую оказываются не самые сложные места текста, греческий перевод которых, скорее всего, мог бы выйти неудачным; зато в других, более простых случаях на полях выписаны такие латинские слова, которые безусловно эквивалентны и греческой, и каталонской лексемам[30]. Можно заметить, что всё рассуждение о латинской коррекционной редактуре построено на презумпции *плохого* качества греческого перевода. «Плохой» греческий язык рукописи, по этой версии, был улучшен при помощи латыни, т. е. отдельные слова были вторично *переведены* с греческого на латинский язык, и эти маргинальные переводы, как считает Х. Надаль-и-Канельяс, в ряде случаев оказались удачнее своих греческих соответствий и... разумеется, ближе к каталонскому оригиналу!

Достаточно, однако, обратиться к другим сочинениям сборника, для которых издатель сам же добросовестно представил латинские версии, чтобы заметить практически полное соответствие слов на полях *РНБ греч. 113* тексту сохранившихся *латинских* трактатов Виллановы[31]. Расхождения минимальны, и они, скорее всего, отражают лексические варианты конкретной латинской рукописи, имевшейся в распоряжении переводчика. Латинские глоссы присутствуют во всех без исключения сочинениях сборника *РНБ греч. 113*, в том числе и в неизвестном ранее трактате № 6 (л. 108 об. — 113 об.). Логично, следовательно, допустить, что некогда существовала такая латинская рукопись, которая заключала в себе оригиналы *всех* сочинений Виллановы, оказавшихся переведенными на греческий.

Таким образом, объясняя появление латинских маргиналий в петербургском *codex unicus*, следовало бы, на наш взгляд, говорить не об исправлении при помощи латыни «плохого» греческого перевода с каталонского языка, а, вслед за Монфоконом, повторить простой и ясный тезис о переводе соответствующего корпуса текстов на греческий язык *с латыни*. В таком случае нужно совершенно иначе оценить латинские пометы в греческом кодексе. Это не поправки к неудавшимся местам, а следы тщательной, скрупулезной выверки греческого перевода по латинскому образцу — поэтому-то эти пометы сохранились и в таких «банальных» пассажах, где у редактора, казалось бы, не должно было возникать никаких вопросов. Изучив предмет, мы даже можем утверждать, что везде в тех случаях, когда появление латинской глоссы на полях не сопровождалось изменениями в греческом тексте, редактор чувствовал (и отмечал) *удовлетво-*

[29] Arnaldi de Villanova tractatus octo... / Ed. Ioannis Nadal et Caňellas. P. 31–32.

[30] Например, на л. 103 корректор оставил латинские глоссы *fortiter* и *eficaciter* к греческим лексемам σφοδρῶς и ἐνεργῶς, которые обозначают в точности то же самое, что и латинские слова.

[31] Нами было проведено сравнение глосс трактатов № 5 и 8 (9) с имеющимися в издании 2002 г. латинскими текстами (см. Приложение 2 к нашему диссертационному сочинению «Греко-латинские глоссы в рукописях Санкт-Петербурга и Москвы». СПбИИ, 2015).

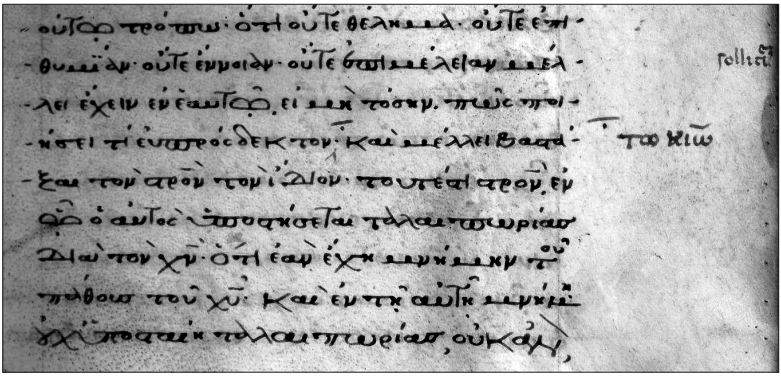

Рис. 1

рительность перевода, а отнюдь не его ущербность. В других местах появление латинской глоссы приводило к исправлению текста[32].

Человек, перу которого принадлежат, как будет показано ниже, и все греческие вставки в нашей рукописи, сделал свою работу со всей «средневековой» тщательностью: сверил, насколько получившийся перевод близок к его латинской версии, исправил и/или дополнил, где нужно, греческий текст своей рукой — и выпустил в свет эту изящную рукопись в законченном виде. Мы уверены, что с его точки зрения конечный результат усилий всех тех, кто работал над книгой, был *хорош*. Буквализм перевода, который помог усмотреть каталонцу Х. Надаль-и-Канельясу свой собственный язык «под маской» греческого текста, во времена Арнольда из Виллановы должен был считаться еще хорошим стилем, более того, единственно возможным способом передачи точного содержания богословских, философских, естественнонаучных, медицинских и иных ученых текстов[33]. Однако антиграф петербургской рукописи был, несомненно, латинским[34].

[32] Интересно, что греческие вставки или исправления в тексте далеко не всегда сопровождаются соответствующими выписками из латинского оригинала (см. например, рис. 2). Но некоторые места представляют собой образец редакторской работы над переводом, например, на л. 123 об.: *q*(*uod*) *duo s*(*un*)*t q*(*ui*)*b*(*us*) (*co*)*gnosci*(*tur*) (глосса) — ότι δύο εισΐν οΐσ γνωρίζεται (вставка; соблюдена орфография рукописи).

[33] Лишь в эпоху Возрождения стало считаться иначе. В пику грубым средневековым «подстрочникам» итальянские гуманисты даже изобрели новый термин для обозначения своих стилистически гладких и риторически организованных латинских переводов — *traducere*: «*Traducere* означает украшать, украшать и украшать, а кроме того, изменять, удалять и прибавлять» (*Sabbadini, R.* Il metodo degli umanisti. Firenze, 1920. P. 26). Гуманисты брались переделывать и переводы недавнего XIV в. Так, Колюччо Салютати (1331–1406), будучи не в силах самостоятельно создать новый перевод «De cohibenda ira» Плутарха, риторически «украсил» перевод Симона Атумануса (ок. 1372), который он издевательски называл *semigreca translatio* (см.: *Berschin W.* Greek Letters and the Latin Middle Ages. From Jerome to Nicholas of Cusa. Revised and expanded edition / Transl. Jerold C. Frakes. Washington D. C.: The Catholic University of America Press, 1988. P. 267).

[34] Перевод проповедей с каталонского языка на латынь, разумеется, также был возможен, и осуществлялся он наверняка по тому же принципу *verbum de verbo*. Так можно объяснить все «каталонские» элементы в языке рукописи.

Греческие вставки

Наибольший интерес в петербургской рукописи представляют, на наш взгляд, греческие вставки и исправления, выполненные в отчетливо западной графической манере. Одни из них восполняют пропуски писца, присутствуя на поле; таковые снабжены редакторскими значками, повторяющимися в том месте текста, к которому относится корректура (см. рис. 1). Заметно, что в целом такие маргинальные вставки расположены ближе к центру листа, нежели латинские глоссы, которые зачастую фигурируют в сильно сокращенном виде у самого края страницы[35].

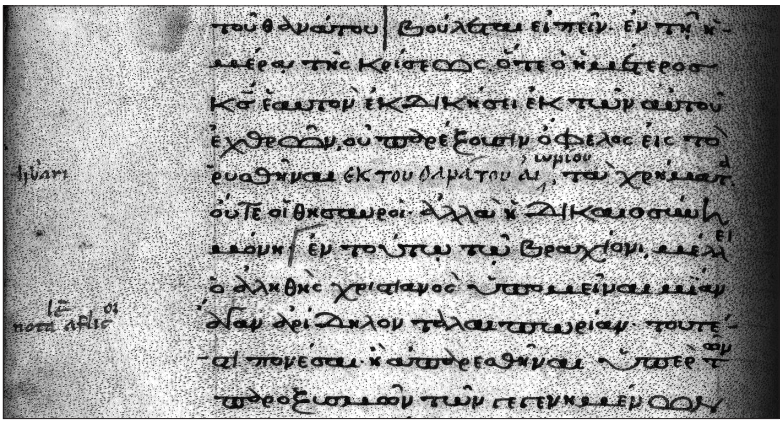

Рис. 2

Во множестве других случаев исправления в греческом тексте сделаны прямо по соскобленному (рис. 2). Издатель, кратко оговаривая наличие в рукописи этих инородных элементов, отмечает лишь, что все они принадлежат одной руке, отличной от почерка переписчика рукописи, и что вводимые таким образом греческие слова предстают в необычном «готизированном» виде[36]. Но поскольку, повторим, он не видел нашу рукопись в подлиннике, он, вероятно, и не пошел дальше в отождествлении латинского и греческого почерков редактора текста *РНБ греч. 113*. Между тем при визуальном обследовании рукописи очевидно не только тождество этих двух почерков, но и совпадение цвета чернил в пометах на обоих языках[37], а также соблюдение косой заточки пера — столь обычной для латинской

[35] Это не всегда так, но верно в абсолютном большинстве случаев. Иногда, ради экономии места, латинские слова записаны на боковых полях «в столбик», с разбивкой на слоги, например на л. 39, справа, читаем: *ba-rb-ar-us*, с имеющейся тут же греческой вставкой βάρβαροσ, написанной нормально, в строку, и стоящей ближе к тексту. При обрезании рукописи латинские маргиналии могли быть без ущерба для дела потеряны — что и произошло с частью записей на верхнем и нижнем полях манускрипта, от которых остались лишь по полстроки.

[36] Arnaldi de Villanova tractatus octo... P. 30.

[37] См., например, помету δευτερον — *secundum* на л. 137 об.

графики средних веков, но производящей особый, ни с чем не сравнимый «готический» эффект в греческом письме[38]. Более того, некоторые маргинальные латинские пометы этой рукописи на самом деле латинскими не являются, а оказываются транслитерацией на латыни пропущенных греческих слов; соответствующие им греческие лексемы в угловатой «готизированной» графике приписаны здесь же, на поле, но, как отмечалось, чуть ближе к основному тексту[39]. Данное обстоятельство, не учтенное издателем, противоречит, кстати, его версии о том, что греческий текст, появившийся в результате перевода с каталонского, «улучшался» при помощи латыни. В дублировании пропущенного греческого слова латинскими буквами нет никакого практического смысла с точки зрения исправления текста. Зато, как нам кажется, латинская транслитерация греческих слов говорит о некой промежуточной стадии перевода с латыни. Вероятно, в работе участвовали два человека: один, условно — «заказчик» перевода, умел сам читать и как-то писать по-гречески, но без настоящего переводчика обойтись не мог; в латинской форме он мог записывать греческое слово тогда, когда ему его произносил переводчик-грек в ответ на его, заказчика, вопрос относительно подходящего греческого эквивалента[40]. Затем уже он записывал это слово рядом по-гречески. В большинстве же случаев он сразу писал по-гречески, поскольку, вероятно, помимо латинского текста, имел перед собой и черновик греческого перевода.

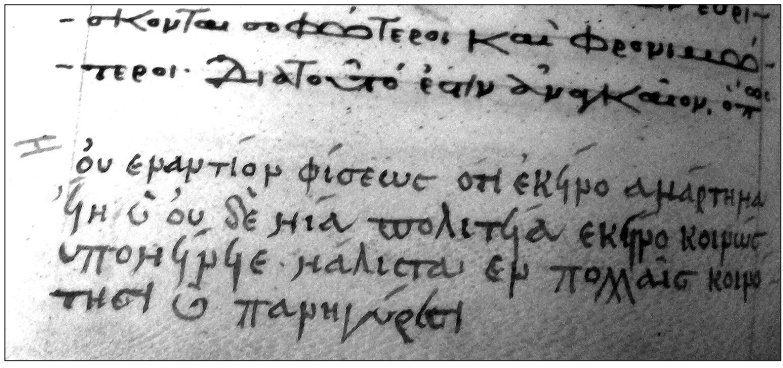

Рис. 3

[38] Для сравнения можно указать немногие греческие рукописи западного производства XI–XIII вв.: *Vat. Reg. gr. 13, Par. suppl. gr. 188, Vind. phil. gr. 100, Oxford, Bodl. Canonici gr. 97*, и еврейскую Псалтирь *Paris. hebr. 113*, тоже западноевропейского происхождения, дополненную греческим алфавитом и молитвой «Отче наш».

[39] Примеры: *écasto* (*s*) — εκάστοσ (л. 69 об., слева; над *e* в латинизированном варианте стоит знак придыхания); *ep-ii-sa*(*n*) — εποιησαν (л. 43, справа; латинская транскрипция отражает произношение редактора).

[40] Арнольд из Виллановы, насколько нам известно, не употреблял в своих сочинениях искусственных грецизмов на манер горе-«грамматиков» XIII в. Эдварда Бетюнского, Вильгельма Брита или Джона Гарланда (см. об этом: *Berschin W.* Greek Letters and the Latin Middle Ages... P. 253–254).

Итак, судя по палеографическим признакам, редактор рукописи *РНБ греч. 113* был двуязычным и диграфичным писцом латинской культуры. Анализируя грамматику его греческих помет, можно прийти к выводу, что он хорошо владел разговорным вариантом языка, но, очевидно, не получил правильного греческого образования, поскольку письмо его, в отличие от письма основного писца рукописи, пестрит итацизмами и ошибками долгот[41]. Стоит предположить, что этот латинянин учился греческому языку со слуха, на Западе или же на Востоке, у живых носителей речи, не знавших регулярной грамматики[42]. С формальной точки зрения его почерк — это искусственный греческий минускул с незначительным количеством унциальных букв (Γ Κ Λ C T) и характерными «западными» формами μ и ν. В нем практически отсутствуют лигатуры, за исключением ει εσ λλ σθ σι σχ, образованных простым соприкосновением соседних букв (рис. 3).

Этот угловатый, неровный западный почерк представляет разительный контраст с округлым византийским минускулом основного писца, о котором также хочется сказать особо. И. П. Медведев полагал, что греческий текст мог быть записан самим переводчиком[43]. Помимо замечательной для XIV в. орфографической грамотности[44], переписчик *РНБ греч. 113* владел весьма архаичной манерой письма: его почерк специалисты иногда принимают за минускул XII в. — однако не южноитальянского происхождения! Во время VIII Международного коллоквиума по греческой палеографии, проходившего осенью 2013 г. в Гамбурге, нам довелось из первых уст услышать мнение одного из тех исследователей, на чьи работы опирался Х. Надаль-и-Канельяс, доказывая сицилийско-калабрийское происхождение петербургской рукописи, а именно французского палеографа Поля Канара. Его замечание оказалось для нас весьма неожиданным: «Я не вижу

[41] Примеры: χειροκρατήαν (л. 93), παισοίν σινφέρει (*вм.* παισὶν συμφέρει, л. 108 об.), φίσην (*вм.* φησὶν, л. 116), φίσεωσ (л. 164 об.), δικαιοσήνη (л. 185); το προσοπον (*вм.* τὸ πρόσωπον, л. 36).

[42] Таким же образом, очевидно, получал начальные познания в греческом языке Роджер Бэкон в XIII в. Вспоминая о своих тщетных поисках сведущего в грамматике наставника, он писал: «В среде латинян нередко встречаются те, кто умеет говорить по-гречески, по-арабски и по-еврейски, но чрезвычайно мало тех, кто знает саму суть грамматики и умеет преподать ее — уж в этом-то я убедился!». (Fr. Rogeri Bacon opera quaedam hactenus inedita / Ed. J. S. Brewer. London, 1859. Op. tertium 10. P. 33. — Перевод наш. — *А. К.*). Бэкону, ученику Роберта Гроссетеста, переводчика корпуса сочинений Псевдо-Дионисия, удалось всё же выучить греческий язык настолько, что он смог составить его первую известную на Западе грамматику — *Oxford, Corpus Christi Coll. 148*. (*Изд.*: *Nolan E.*; *Hirsch S. A.* The Greek Grammar of Roger Bacon. Cambridge, 1902).

[43] *Медведев И. П.* Две поправки к Каталогу... С. 213.

[44] Итацизмы в рукописи крайне редки, системы склонения и спряжения выдержаны правильно, димотических форм очень мало (например, καθιστῶ вм. καθίστημι). Не соблюдается аттическое правило координации сказуемого в ед. числе с подлежащим среднего рода во множ. числе, однако со времен формирования эллинистического и новозаветного койне это согласование в числе стало общим местом всей греческой словесности. В рукописи систематически расставлены диакритические знаки. Вызывает, однако, удивление отсутствие «йоты» подписной в 3-м лице конъюнктива глаголов *всех* времен — очевидно, это также было «нормой» для той писцовой школы, откуда происходил копиист *РНБ греч. 113*.

в почерке этой рукописи ничего южноитальянского», — кратко заявил он после просмотра представленных аудитории образцов письма.

Еще более обескураживающим для нас было мнение, высказанное тогда же, в ходе дискуссии на заседании 27.09.2013, крупнейшим отечественным специалистом в области греческой палеографии, проф. Б. Л. Фонкичем: почерк *РНБ греч. 113*, по его мнению, можно датировать XII в., а местом происхождения манускрипта следует считать Константинополь. О том же говорили и другие знатоки византийского письма. Таким образом, даже несмотря на очевидный анахронизм подобной датировки, со стороны палеографии имеются веские основания считать происхождение писца этой рукописи не южноитальянским. Кодикология же говорит о большой доле латинских элементов в книге. Где находился этот «латинизированный» скрипторий?

Делая обзор переводов латинской духовной и «душеполезной» литературы на греческий язык в XIII–XIV вв., итальянский исследователь Антонио Риго заметил, что он не может согласиться с Х. Надаль-и-Канельясом относительно южноитальянского происхождения рукописи *РНБ греч. 113*, но думает, что она определенно была написана греком на европейском Западе или же в западной среде на греческом Востоке. Тот, кто организовал всю работу, был, по его мнению, человеком латинской культуры, он-то и отредактировал текст. А также, пишет Риго, есть основания думать, что этот латинянин был непосредственным автором «плохого» (*читай*: буквалистского) перевода на греческий язык. Задумываясь над основным тезисом каталонского издателя, А. Риго считает, что для того чтобы решить, с какого языка переводился текст — с каталонского или латыни, требуется тщательный анализ маргиналий для каждого трактата *РНБ греч. 113*[45].

Проведенное нами сопоставление глосс этой рукописи с сохранившимися латинскими версиями сочинений Виллановы, а также анализ греческих вставок показывают, как кажется, с большой долей вероятности, что перевод был сделан с латыни, а затем, очевидно, был сличен с оригиналом грекоговорящим редактором-латинянином. Однако место создания перевода и его единственного списка по-прежнему остаются неизвестными. Многообразие профессиональных и личных связей Арнольда из Виллановы с представителями правящей и культурной элит Южной Италии и Сицилии заставляют нас всё же со вниманием отнестись к версии Х. Надаль-и-Канельяса и его предшественников о происхождении перевода (и, возможно, самой рукописи) из области западного Средиземноморья. Здесь, в Монпелье и Неаполе, Арнольд обучался медицине, здесь он служил придворным врачом, здесь же им были созданы основные сочинения, зачастую посвященные южноитальянским монархам, включая знаменитый стихотворный «Салернский кодекс здоровья», название которого говорит само за себя[46]. Кроме того,

[45] *Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec: les oeuvres d'Arnaud de Villeneuve et quelques autres exemples // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 219–242.

[46] В городе сохранился средневековый аптекарский «Сад Минервы», где был написан трактат.

известно, что Арнольд сочувственно относился к братьям-миноритам и представителям народно-еретических движений юга Европы и в частности пришедшей сюда из Нидерландов «ереси бегинок», а также исповедовал иоахимитские спиритуалистические взгляды, популярные среди монашества Италии, за которые был осуждаем богословами Парижского университета[47]. Очень многое говорит за то, что перевод «неофитских» сочинений доктора, исполненных неканонического религиозно-нравственного содержания, мог быть осуществлен в южноитальянской полуцерковной книжной среде при поддержке и покровительстве кого-то из заинтересованных влиятельных лиц. По мысли Х. Надаль-и-Канельяса, работа могла протекать так: в Авиньоне, при папском дворе, где Вилланова в 1308 г. принимал посольство монахов афонской Великой лавры к королю Хайме II Арагонскому, у него созрел план перевести свои сочинения на греческий язык для отсылки на Восток, константинопольскому патриарху Афанасию[48]. В Южной Италии как в наиболее близком центре греческой книжной культуры им был найден подходящий переводчик-грек, который мог стать одновременно и основным писцом рукописи. Общий неудовлетворительный итог работы, отраженный в «исправлениях» на полях греческого текста, привел, однако, к тому, что рукопись осталась на Западе, скорее всего, в Италии[49], где находилась по крайней мере до XVI в., когда на ней, на обороте 1-го листа расписался небрежным почерком полуграмотный (калабрийский?) грек[50]. Оттуда она каким-то образом попала к Сегье[51].

[47] *См.*: Арнольд из Виллановы и его роль в развитии культуры и свободомыслия в Южной Франции (конец XIII — начало XIV в.) // Керов В.Л. Из истории Франции и Нидерландов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2000. С. 260–277.

[48] Встреча зафиксирована в исторических источниках: сохранилось письмо короля Хайме II к Арнольду, в котором сообщается, что рекомендованные им ко двору монахи прибыли и что монарх приказывает своим вассалам-каталонцам на Афоне не оскорблять, но, напротив, оказывать всяческое содействие насельникам греческой Лавры, «исходя из Ваших убеждений в том, что это будет приятно очам Всевышнего» (см.: *Rubió i Lluch A.* Diplomatari de l'Orient català (1301–1409). Barcelona, 1923. P. 50, doc. XL). — Имеется в виду агрессия каталонских наемников-альмугаваров Андроника II против мирных жителей Афонского полуострова. В 1311 г. каталонская «кампания» Рожера де Флора, вышедшая из повиновения императору, захватила французское герцогство Афинское.

[49] В начале сентября 1311 г. Арнольд из Виллановы, посланный сицилийским королем Федериго II Арагонским к больному папе Клименту V, внезапно умер на борту корабля. Тело его было торжественно захоронено в Генуе весной 1312 г. (*Керов В.Л.* Указ. соч. С. 274).

[50] Надпись на обороте 1-го листа гласит: «Сдается мне, сей толковник и дидаскал был византийцем, а после, к несчастью, облатинился». Помимо этой пометы, в рукописи присутствует несколько более ранних греческих записей, которые могут быть датированы концом XIV — XV в. На л. 81 об. кратко прокомментирован первый вопрос катехизического диалога «Alphabetum catholicorum ad inclytum dominum regem Aragonum pro filiis erudiendis in elementis catholica<a>e fidei» (трактат № 5). Тем же почерком были когда-то подписаны рисунки средневековых музыкантов-скрипачей на л. 81 и 112 об., а затем эти надписи были стерты (на л. 81 вместе с рисунком). Греческие записи и «латинские» рисунки (рыцари, музыканты, звери, птицы, драконы) свидетельствуют, несомненно, о том, что рукопись довольно долго пребывала в какой-то смешанной двуязычной культурной среде (см. также сн. 60–64.)

[51] Arnaldi de Villanova tractatus octo... P. 35–55.

Разработанная историческая концепция «потянула», однако, за собой и все источниковедческие наблюдения испанского ученого. Почерки, похожие на основное письмо *РНБ греч. 113*, разыскивались Х. Надаль-и-Канельясом среди греческих рукописей южноитальянского производства, а автор латинских глосс «вычислялся» среди итальянских знатоков греческого языка XIV в. Первая посылка, как мы убедились, оказалась неверной, чего, однако, нельзя сказать о второй части предположения. В поисках немногочисленных грецистов — современников Арнольда из Виллановы внимание издателя остановилось на фигуре францисканского монаха-спиритуала Анджело Кларено (ок. 1247–1337), знаменитого дословными (!) переводами из греческой патристики, проведшего много лет в латинской Ахайе, а с 1305 г. проживавшего в Перудже, городе папской области, где с ним мог встречаться автор переведенных трактатов, также бывавший здесь в начале XIV столетия[52]. Выбор «редактора», впрочем, был сделан учеными чисто умозрительно, без обращения к автографам Кларено, лишь на основании анализа достаточно узкого круга лиц, к кому мог бы обратиться за помощью латиноязычный писатель, не знавший греческого языка[53].

Весной 2014 г. автором этих строк была совершена поездка в монастырь св. Схоластики в г. Субиако под Римом, где с 1318 по 1334 г. проживал опальный минорит Ангел Кларенский и где им были созданы наиболее значительные произведения «Expositio regulae fratrum minorum» и «Historia septem tribulationum ordinis minorum», составившие вкупе с его переводами греческой патристики своеобразный литературный «канон» францисканского ордена[54]. В библиотеке монастыря под № 227 (CCXXIV) хранится черновой список переведенных Кларено монашеских «Правил» св. Василия Великого, изобилующий следами правки[55]. Первое беглое сличение латинских глосс *РНБ греч. 113* с письмом маргинальных глосс, а отчасти и с письмом основного текста *S. Schol. 227* дало интересные результаты[56].

---

[52] 18 июля 1304 г. Арно закончил свое «Protestatio facta Perusii coram domino camerario summi pontificis» (см.: *Carreras Arto J.* Les obres theològiques d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1936. Vol. 12. P. 1–15. № 23).

[53] Считается, что Арно, в зрелом возрасте сумевший выучить арабский язык, не имел больших познаний в языке греческом. В его библиотеке из 200 томов были Псалтырь и Четвероевангелие на греческом языке, *sine qua non*, но когда в одном из своих сочинений он касается комментирования греческого текста, то признается, что не понимает его: «Si quis qu<a>ereret, quis serva<re>t melius proprietatem hominum, in hoc dicimus quod non scimus, *cum sint vocabula graeca*» (см.: *Finke H.* Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster, 1902. P. 194).

[54] *Frugoni A.* Subiaco Francescana // Istituto storico Italiano per il Medio Evo. 1953. Vol. 65. P. 115–119; *Carosi G. P.* I monasteri di Subiaco (notizie storiche). Subiaco, 1987. P. 102–103.

[55] Описание кодекса см.: *Leone Allodi D.* Inventario dei Manoscritti della Biblioteca di Subiaco. Forli, 1891. P. 47–48 (Collacazione VIII D 14, signatura CCXXIV, opera 227). Рукопись обнаружена П. О. Кристеллером (см: *Musto R. G.* Angelo Clareno, O. F. M.: Fourteenth-Century Translator of the Greek Fathers. An Introduction and a Checklist of Manuscripts and Printings of his «Scala Paradisi» // Archivum Franciscanum Historicum. 1983. Vol. 76. P. 215–238, особенно p. 220. № 6).

[56] К сожалению, мы не располагаем фотокопиями рукописи, которые могли бы быть здесь опубликованы.

С одной стороны, мы заметили, что основной текст Кларено написан характерным итальянским почерком XIV в., имеющим мало общего с почерком латинских глосс *РНБ греч. 113*. Очевидно, это было обычное письмо (*scriptura communis*) переводчика или, скорее, его секретаря-переписчика, которому диктовался латинский текст[57]. С другой стороны, заметно и то, что пометы и вставки в *S. Schol. 227* сделаны несколько иным письмом, небрежным книжным минускулом, переходящим в полукурсив. Стиль работы, смелое вычеркивание и переписывание текста перевода говорит о том, что этот последний почерк вполне может быть автографом Ангела Кларенского. Латинские пометы на полях петербургской рукописи по сравнению с ними выглядят более стройными, но это, как мы считаем, может быть объяснено общим основательным подходом к делу в отношении беловой копии переводов Виллановы[58]. Письмо помет и вставок в итальянской рукописи может быть по многим параметрам сопоставимо с латинскими пометами в петербургской рукописи. Греческие пометы в рукописи из Субиако, насколько мы успели заметить, отсутствуют. Заметно также общее сходство приемов редакторской работы в обеих рукописях. На полях и в тексте кодексов встречаются значки трех видов: 1) одна или две косые черты с точкой (/., //. или /./)[59], сопровождающие вставку; 2) стрелка (^), направленная вверх, стоящая под строкой, указывая место вставки; 3) точки под неудачным словом, словосочетанием или предложением. Дальнейшие наблюдения над глоссами *Ms. S. Schol. 227*, мы уверены, могли бы стать источником новых данных для возможного определения авторства латинской редактуры *РНБ греч. 113*.

Маргинальные рисунки

Столь трудно локализуемый список *РНБ греч. 113* сохранил еще одно свидетельство своего «латинского прошлого». Здесь важной оказывается последняя любопытная особенность книги — находящиеся на ее свободных листах рисунки пером. Эти рисунки, никак не связанные с текстами богословских трактатов, изображают средневековых музыкантов-скрипачей, рыцарей и солдат в полном воинском облачении, а также поединок воина-христианина и монгола (предположительно), сцену змееборчества, фигурки львов, лошадей, птиц и т. п. — в отчетливо западноевропейском стиле. Часть рисунков имела подписи на греческом языке[60].

[57] Подобный же почерк с элементами готики был родным почерком даже для «первого итальянского гуманиста» Франческо Петрарки (см.: *Ullman B. L.* The Origin and Development of Humanistic Script. Roma, 1960. Pl. 1).

[58] В отличие от Х. Надаль-и-Канельяса, мы считаем список *РНБ греч. 113* вполне законченной и совершенной рукописью.

[59] В рукописи. *S. Schol. 227* на одной странице могут встречаться знаки и с бóльшим количеством черт — их число означает порядковый «номер» замены.

[60] См. сн. 50.

Некоторые милитаристские «иллюстрации» *РНБ греч. 113* недавно получили атрибуцию и датировку в статье греческого историка Андреа Бабуина[61]. Форма доспехов и виды холодного оружия, в подробностях воспроизведенные кем-то из читателей или владельцев кодекса, характерны, считает ученый, для Западной Европы 1350–1425 гг. По своему готическому стилю и экспрессивной тематике все эти рисунки должны происходить из западной рыцарско-придворной среды. Однако не исключено, что рукопись могла быть иллюстрирована и в Греции. Если на стенах епископского дворца в Патрах ок. 1395 г. появились фрески со сценами троянского мифологического цикла, исполненные, судя по стилистике, совсем не греческим художником, то можно предположить, пишет А. Бабуин, что в католической среде латинской Греции (*Romanie*) изготавливались и книги в западном «готическом» вкусе[62].

Ближайшую параллель к рисункам петербургского кодекса исследователи усматривают в рукописи *Par. gr. 135*, изготовленной в Мистре писцом Мануилом Цикандилисом ок. 1361/62 г. Этот список катены на Книгу Иова сохранил 198 миниатюр, иллюстрирующих текст, все они выполнены западным художником в готическом стиле, но с использованием мотивов византийской иконографии[63]. С точки зрения стилистической, изображения в петербурском и парижском манускриптах, а также, возможно, рисунки пером в рукописи *Lips. gr. 35* (a. 1354–1374), происходят из одной латинизированной среды, где западноевропейский стиль смешивался с азиатскими моделями[64].

Заключение

1. Рукопись, с которой был сделан перевод *РНБ греч. 113*, содержала латинскую версию трактатов Арнольда из Виллановы. Судя по тому, что в приговоре инквизиции над Арнольдом сохранились каталонские инципиты некоторых его трактатов, входящих в петербургский сборник, а также по тому, что известны итальянские переводы отдельных его сочинений, все эти тексты, датируемые 1292–1309 гг., писались, вероятно, в двух вариантах: на латыни для публики просвещенной, и на народных языках — для всех остальных. Наибольшее распространение профетические тексты каталонского доктора получили в набожной среде спиритуалов и бегинок. Следует предположить, что именно сюда, в полумонашескую, полумирскую общину людей необразованных, ищущих

[61] *Babuin A.* Les illustrations du *Petropolitanus graecus 113* // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 235–242 (Annexe).

[62] Ibid. P. 239–240.

[63] См. также: *Velmans T.* Le *Parisinus grecus 135* et quelques autres peintures de style gothique dans manuscrits grecs à l'époque des Paléologues (*Cahiers archéologiques* 17). Paris, 1967. P. 209–236; *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л.: Наука, 1973. С. 97.

[64] *Babuin A.* Op. cit. P. 238.

особого благочестия, и были адресованы их версии на национальных языках[65]. Перевод «эсхатологических» сочинений Виллановы на греческий язык, на наш взгляд, следует рассматривать в этом же ключе. Адресата или заказчика рукописи следует искать где-то в пределах влияния латинских нищенствующих орденов на Востоке. Сам Арнольд имел зафиксированные в источниках связи с монахами греческого Афона.

А. Риго полагает, что существование греческого перевода трактатов Арнольда из Виллановы, пусть и в единственной рукописи второй половины XIV в.[66], подтверждает живучесть его идей в определенных латинизированных, униатских кругах Востока. Вероятно, подобная инициатива, считает ученый, могла быть связана с намерением «учеников» Виллановы осуществить некоторые миссионерские проекты, намеченные в сочинениях «учителя»[67]. Однако такие западные «душеполезные» тексты имели весьма ограниченное, ничтожное хождение на Востоке. Влияние их не выходило за пределы круга лиц, для которых они создавались. Византийская мистика той эпохи шла другими путями[68].

2. Почерк писца основного греческого текста *РНБ греч. 113* нельзя считать южноитальянским. Интересно, однако, что помимо петербургской рукописи Виллановы известен по крайней мере один греческий переводной алхимический трактат, содержащий выдержки из сочинений τοῦ μαγίστρου Ῥενάλδου τὴν Βιτανόβα (sic!), происходящий из Южной Италии. Он создан ок. 1300 г. так называемым «анонимом Дзуретти», входившим в кружок калабрийских переводчиков, близких к неаполитанскому двору[69]. Кроме того, имя Арнольда

[65] Впрочем, среди последователей Арнольда был, например, и такой выдающийся мыслитель эпохи высокого средневековья, как Раймонд Луллий (ок. 1235–1315/16). После 1285 г. он переселяется вслед за доктором-прозелитом из Рима в Монпелье, где «учитель» провел основную часть своей жизни (см.: *Керов В.Л.* Из истории Франции и Нидерландов... С. 265). Луллий был создателем языковой школы на Майорке, которая, в свете решений Вьеннского собора 1312 г., должна была готовить католических проповедников в среде иноверцев (см.: *Berschin W.* Greek Letters and the Latin Middle Ages... P. 261–262).

[66] Известный палеограф датирует почерк рукописи третьей четвертью XIV в. (*Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec... P. 229). — Впрочем, насколько обманчивы могут быть подобные датировки, мы уже убедились.

[67] Ibid. P. 232.

[68] Ibid. P. 233–234. Риго приводит редчайший случай перевода на греческий язык католического «душеполезного» сочинения начала XIV в., получившего распространение на православном Востоке. В литературном сборнике *Escorial. gr. Ψ. IV. 22* (496), переписанном ок. 1500 г., помимо поздневизантийского романа о Дигенисе Акрите, переводов из Псевдо-Фомы Аквинского и некоторых латинских молитв, на л. 5 — 20 об. читается трактат Томазо Годзадини из Болоньи «Ἄνθος χαρίτων», переведенный с итальянского. Известны славянский и румынский переводы того же сочинения, выполненные в конце XV в., а также множество его новогреческих переработок XVI–XVIII вв. (Ibid. P. 224).

[69] *Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec... P. 227, n. 35 (изд.: *Coulinet A.* L'anonyme de Zuretti, ou L'art sacré et divin de la chrysopée par un anonyme (*Les alchimistes grecs* 10). Paris, 2000. P. LXII, 167–170; *Fiaccadori B.* Umanesimo e Grecità d'Occidente // I Greci in Occidente. La tradizione filosofica, scientifica e letteraria dalle collezioni della Biblioteca

из Виллановы фигурирует в названии небольшого переводного сочинения «Ῥιναλδου τελα νόβε βίλα φησὶ περὶ τῆς χυμευτικῆς τέχνης», самый ранний список которого содержится в рукописи *Par. gr. 2327*, изготовленной писцом Феодором Пелеканосом в 1478 г.[70] Таким образом, в XIV–XV в. некоторые из сочинений этого автора переводились на греческий язык, часть из этих переводов производилась, весьма вероятно, в Южной Италии, — однако спросом в греческой среде пользовались, скорее, те работы доктора, которые представляли универсальный практический интерес, а именно: медицинские и (ал)химические опусы. Участие калабрийского грека в работе над переводом богословских трактатов *РНБ греч. 113* представляется всё же на основании филологического анализа Х. Надаль-и-Канельяса и Д. Венетоса возможным, однако список перевода был создан, несомненно, писцом иного происхождения — выходцем из константинопольской или, что более вероятно, какой-то провинциальной восточной византийской писцовой школы, сохранявшей особенности столичной графики XII, «докрестоносного», века еще два столетия спустя.

3. На страницах кодекса Публичной библиотеки мы имеем редкий образец перевода латинского средневекового текста на греческий язык, отредактированного *западным* книжником. Если вспомнить нехарактерные для греческих рукописей Южной Италии высокое качество пергамена и «правильный» порядок сборки листов, которые мы наблюдаем в петербургском списке, западноевропейские приемы оформления и украшения этого манускрипта, «готический» греческий почерк редактора и, наконец, «куртуазные» иллюстрации читателя, то вывод, кажется, напрашивается сам собой: *РНБ греч. 113* была изготовлена в каком-то *латинском* скриптории Востока[71] под наблюдением западного книжника, ограниченно владевшего греческим языком. В течение почти столетия рукопись оставалась, судя по рисункам в ней, на месте своего производства, в латинской среде, а с конца XV в., как о том свидетельствуют записи ее немногочисленных читателей[72], перешла к греческим православным владельцам. Эти данные хорошо согласуются с историей латинских королевств континентальной Греции, а также венецианского Крита.

Возможно, последнюю подсказку о происхождении и местонахождении *РНБ греч. 113* (= Coislin 379, Séguier 36) дает история формирования коллекции

Marciana. Catalogo della mostra (16 ottobre — 15 novembre 1996), a cura di G. Fiaccadori — P. Eleuteri. Venezia: Il Cardo, 1996. P. XLVII, LXXIII; *Lucà S.* Note per la storia della cultura greca nella Calabria meridionale // Archivio storico per la Calabria e la Lucania. 2007 (2008). Vol. 74. P. 43–101).

[70] Ibid (см.: Catalogue des manuscruts alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. Vol. V: 1. Les manuscrits d'Espagne, décrits par C. O. Zuretti. 2. Les manuscrits d'Athènes, décrits par A. Severyns. P. 95–96. *PLP* 2725).

[71] А. Риго считает, что легче всего допустить ее происхождение из каталонских Афин, до 1390 г. остававшихся под каталонским владычеством (*Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec... P. 233).

[72] См. прим. 50.

греческих рукописей Пьера Сегье, в которую наша рукопись в итоге попала. Известно, что лишь самые первые греческие рукописи были приобретены Сегье в западносредиземноморском регионе. В феврале 1645 г. в Марселе алчный и неразборчивый в средствах государственный канцлер купил 20 манускриптов у корсиканского пирата «лейтенанта Киприани». Среди этих кодексов, номера которых надежно отождествлены[73], 8 сохранили первоначальные итальянские переплеты[74], что и заставило археографов Национальной библиотеки Франции думать о происхождении награбленного откуда-то с побережья Тирренского моря[75]. О других случаях «поставок» Пьеру Сегье греческих рукописей из Италии сведений не имеется. Зато хорошо известно, что практически вся коллекция византийских манускриптов (ок. 400 экз.), законным или незаконным путем, перешла к вельможному собирателю от греческого «патера Афанасия», иеромонаха Афанасия Ритора, десять лет охотившегося по заданию французского правительства за рукописями между Константинополем, Кипром, Афоном и Фессалией[76].

References

Amfilohij (*arhim.*) [*P. I. Sergievskij-Kazancev*]. Opisanie grečeskih rukopisej XIII–XIV vv. opredelennyh let. M., 1879. T. III. 124, II s., [35] l. faks.

Arnaldi de Villanova tractatus octo in Graecum sermonem versi (Petropolitanus graecus 113) nunc primum editi cura et studio Ioannis Nadal et Cañellas. Graecitatem textus recensente Dionisio Benetos, Universitas Atheniensis doctore. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans (Corpus philosophorum Medii Aevi. Scripta spiritualia, 2) MMII, 2002. 446 p.

Babuin A. Les illustrations du Petropolitanus graecus 113 // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (Bibliotheca 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 235–242 (Annexe).

Batllori M. «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι...». Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum // Miscellanea Melchor de Pobladura. Romae, 1964. Vol. I. P. 215–223.

Batllori M. Arnau de Vilanova i l'Arnaldisme. Obra completa. Barcelona, 1994. Vol. III (Biblioteca d'Estudis i Investigacions 20).

Batllori M. Arnau de Vilanova. Obres catalanes. Barcelona, 1947. Vol. I: Escrits religiosos. 120 p.

Batllori M. Les versions italianes medievals d'obres religioses de Mestre Arnau de Vilanova // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. 1951. Vol. 1. P. 395–462.

Berschin W. Greek Letters and the Latin Middle Ages. From Jerome to Nicholas of Cusa / Rev.and exp. ed.; Ttransl. by J. C. Frakes. Washington D. C.: The Catholic University of America Press, 1988. XV, 415 p.

Betí M. El text catala de la «Informatio Beguinorum vel Lectio Narbonae» d'A. de Vilanova // Festgabe zum 70sten Geburtstag H. Finke. Münster, 1925. S. 189–199.

Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris, 1945. 428 p.

Carosi G. P. I monasteri di Subiaco (notizie storiche). Subiaco, 1987. 216 p.

[73] Сохранился их инвентарь, составленный по заказу самого Сегье, *BNF, Collection Moreau 849*, ff. 188^{v}–193^{r} (см.: Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris, 1945. P. III, n. 2).

[74] Большинство рукописей Сегье были, как и нынешняя *РНБ греч. 113*, переплетены заново.

[75] Ibid. P. III–IV.

[76] В приложении к своей работе «Французские археологические экспедиции в 17 и 18 веках» Анри Омон сгруппировал рукописи Коаленя по владельческим записям монастырей, которым они раньше принадлежали (см.: *Omont H.* Missions archéologiques françaises en Orient au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris 1902. Vol. II. P. 853). См. также сн. 2.

Carreras Artau J. Les obres theològiques d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1936. Vol. 12. P. 1–15.

Carreras Artau J. Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1932. Vol. 8. P. 1–8, 127–134.

Catalogue des manuscrits alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. Vol. V: 1. Les manuscrits d'Espagne, décrits par C. O. Zuretti. 2. Les manuscrits d'Athènes, décrits par A. Severyns. VI, 175 p.

Coulinet A. L'anonyme de Zuretti, ou L'art sacré et divin de la chrysopée par un anonyme (Les alchimistes grecs 10). Paris, 2000. CXVI, 804 p.

Exempla Codicum Graecorum Litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum / Ed. G. Cereteli, S. Sobolevski. M., 1913. Vol. Alterum: Codices Petropolitani. I, 19 p., [58] fax.

Fiaccadori B. Umanesimo e Grecità d'Occidente // I Greci in Occidente. La tradizione filosofica, scientifica e letteraria dalle collezioni della Biblioteca Marciana. Catalogo della mostra (16 ottobre — 15 novembre 1996), a cura di G. Fiaccadori — P. Eleuteri. Venezia: Il Cardo, 1996. P. XVII–LXXV.

Finke H. Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster, 1902. 13 p.

Fr. Rogeri Bacon opera quaedam hactenus inedita / Ed. J. S. Brewer. London, 1859.

Frugoni A. Subiaco Francescana // Istituto storico Italiano per il Medio Evo. 1953. Vol. 65. P. 115–119.

Granstrem E. È. Katalog grečeskih rukopisej leningradskih hraniliŝ. Vyp. 5. Rukopisi XIII veka // Vizantijskij vremennik. 1964. T. XXIV. S. 166–197.

Hauréau B. Arnauld de Villeneuve, médecin et chimiste // Histoire littéraire de la France. Paris, 1881. T. XXVIII. P. 26–126, 487–490.

Haven M. La vie et les oeuvres de maître Arnaud de Villeneuve. Paris, 1896. 192 p.

Kerov V. L. Iz istorii Francii i Niderlandov v èpohu Srednevekov'â i rannego Novogo vremeni. M., 2000. — 357 s.

Le Clerk V. Histoire littéraire de la France. T. XX. Paris., 1842. T. XX.

Leone Allodi D. Inventario dei Manoscritti della Biblioteca di Subiaco. Forli, 1891. — 74 p.

Lucà S. Note per la storia della cultura greca nella Calabria meridionale // Archivio storico per la Calabria e la Lucania. 2007 (2008). Vol. 74. P. 43–101.

Manselli R. La religiosità d'Arnaldo da Vilanova // Bulletino dell'Istitutto Storico per il Medioevo e Archivo Muratoriano. 1951. Vol. 63. P. 60–76.

Medvedev I. P. Dve popravki k Katalogu grečeskih rukopisej leningradskih hraniliŝ. I. *GPB, greč. № 113* // Vizantijskij vremennik. 1984. T. 45. (1984). S. 211–215.

Medvedev I. P. Mistra. Očerki istorii i kul'tury pozdnevizantijskogo goroda. L.: Nauka, 1973. 162 s.

Mendez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. 2 ed. Madrid, 1918. T. 3. 572 p.

Montfaucon B. de. Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana. Paris, 1715.

Muralt E. de. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imperiale Publique. SPb., 1864. 104 p.

Muralt E. de. Catalogus codicum bibliothecae Imperialis publicae graecorum et latinorum. Petropoli, 1840.

Musto R. G. Angelo Clareno, O. F. M.: Fourteenth-Century Translator of the Greek Fathers. An Introduction and a Checklist of Manuscripts and Printings of his «Scala Paradisi» //Archivum Franciscanum Historicum. 1983. Vol. 76. P. 215–238.

Nolan E., Hirsch S. A. The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar. Cambridge, 1902. 212 p.

Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1902. Vol. I–II. 1237 p.

Petr Dubrovskij (1754–1816) i ego kollekciâ / Sost.: N. A. Elagina, O. V. Vasil'eva, I. V. Dacûk. SPb.: Rossijskaâ Nacional'naâ biblioteka, 2004.

Quétif J., Echard J. Scriptores ordinis praedicatorum. Paris, 1719. T. I.

Rigo A. Textes spirituels occidentaux en grec: les oeuvres d'Arnaud de Villeneuve et quelques autres exemples // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (Bibliotheca 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 219–242.

Rubió i Lluch A. Diplomatari de l'Orient català (1301–1409). Barcelona, 1923. LXV, 801 p.

Sabbadini R. Il metodo degli umanisti. Firenze, 1922. 96 p.

Santi F. Gli «scripta spiritualia» di Arnau de Vilanova // Studi Medievali. 1985. Vol. III (26). P. 995–996, 1003.

Tocco F. Due opuscoli inediti di Arnoldo da Vilanova // Archivio Storico Italiano. 1886. Vol. 18. P. 459–460.

Ullman B. L. The Origin and Development of Humanistic Script. Roma, 1960. 156 p.

Velmans T. Le Parisinus grecus 135 et quelques autres peintures de style gothique dans manuscrits grecs à l'époque des Paléologues (Cahiers archéologiques 17). Paris, 1967. P. 209–236.

Список литературы

Амфилохий (архим.) [*П. И. Сергиевский-Казанцев*] Описание греческих рукописей XIII–XIV вв. определенных лет. М., 1879. Т. III.

Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5: Рукописи XIII века // Византийский временник. 1964. Т. XXIV. С. 166–197.

Керов В.Л. Из истории Франции и Нидерландов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2000.

Медведев И.П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л.: Наука, 1973.

Медведев И.П. Две поправки к Каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ. I. *ГПБ, греч. № 113* // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 211–215.

Петр Дубровский (1754–1816) и его коллекция / Сост. Н.А. Елагина, О.В. Васильева, И.В. Дацюк. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2004.

Arnaldi de Villanova tractatus octo in Graecum sermonem versi (*Petropolitanus graecus 113*) nunc primum editi cura et studio *Ioannis Nadal et Cañellas*. Graecitatem textus recensente *Dionisio Benetos*, Universitas Atheniensis doctore. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans (Corpus philosophorum Medii Aevi. Scripta spiritualia, 2). MMII, 2002.

Babuin A. Les illustrations du *Petropolitanus graecus 113* // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 235–242 (Annexe).

Fr. Rogeri Bacon opera quaedam hactenus inedita / Ed. J.S. Brewer. London, 1859.

Batllori M. Arnau de Vilanova. Obres catalanes. Barcelona, 1947. Vol. I: Escrits religiosos.

Batllori M. Les versions italianes medievals d'obres religioses de Mestre Arnau de Vilanova // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. 1951. Vol. 1. P. 395–462.

Batllori M. Arnau de Vilanova i l'Arnaldisme. Obra completa. Barcelona, 1994. Vol. III (*Biblioteca d'Estudis i Investigacions* 20).

Batllori M. «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι...» Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum // Miscellanea Melchor de Pobladura. Romae, 1964. Vol. I. P. 215–223.

Berschin W. Greek Letters and the Latin Middle Ages. From Jerome to Nicholas of Cusa / Rev. and exp. ed.; transl. J.C. Frakes. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 1988.

Betí M. El text catala de la «Informatio Beguinorum vel Lectio Narbonae» d'A. de Vilanova // Festgabe zum 70 sten Geburtstag H. Finke. Münster, 1925. S. 189–199.

Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris, 1945.

Carosi G.P. I monasteri di Subiaco (notizie storiche). Subiaco, 1987.

Carreras Artau J. Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1932. Vol. 8. P. 1–8, 127–134.

Carreras Artau J. Les obres theològiques d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1936. Vol. 12. P. 1–15.

Catalogue des manuscrits alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. Vol. V: 1. Les manuscrits d'Espagne, décrits par C.O. Zuretti. 2. Les manuscrits d'Athènes, décrits par A. Severyns.

Coulinet A. L'anonyme de Zuretti, ou L'art sacré et divin de la chrysopée par un anonyme (*Les alchimistes grecs* 10). Paris, 2000.

Exempla Codicum Graecorum Litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum / Ed. G. Cereteli, S. Sobolevski. M., 1913. Vol. Alterum: Codices Petropolitani.

Fiaccadori B. Umanesimo e Grecità d'Occidente // I Greci in Occidente. La tradizione filosofica, scientifica e letteraria dalle collezioni della Biblioteca Marciana. Catalogo della mostra (16 ottobre — 15 novembre 1996), a cura di G. Fiaccadori — P. Eleuteri. Venezia: Il Cardo, 1996. P. XVII–LXXV.

Finke H. Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster, 1902.

Frugoni A. Subiaco Francescana // Istituto storico Italiano per il Medio Evo. 1953. Vol. 65. P. 115–119.

Hauréau B. Arnauld de Villeneuve, médecin et chimiste // Histoire littéraire de la France. Paris, 1881. T. XXVIII, P. 26–126, 487–490.

Haven M. La vie et les oeuvres de maître Arnaud de Villeneuve. Paris, 1896.

Le Clerk V. Histoire littéraire de la France. T. XX. Paris, 1842.

Leone Allodi D. Inventario dei Manoscritti della Biblioteca di Subiaco. Forli, 1891.

Lucà S. Note per la storia della cultura greca nella Calabria meridionale // Archivio storico per la Calabria e la Lucania. 2007 (2008). Vol. 74. P. 43–101.

Manselli R. La religiosità d'Arnaldo da Vilanova // Bulletino dell'Istitutto Storico per il Medioevo e Archivo Muratoriano. 1951. Vol. 63. P. 60–76.

Mendez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. 2 ed. Madrid, 1918. T. 3.

Montfaucon B. de. Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana. Paris, 1715.

Muralt E. de. Catalogus codicum bibliothecae Imperialis publicae graecorum et latinorum. Petropoli, 1840.

Muralt E. de. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imperiale Publique. SPb., 1864.

Musto R. G. Angelo Clareno, O. F. M.: Fourteenth-Century Translator of the Greek Fathers. An Introduction and a Checklist of Manuscripts and Printings of his «Scala Paradisi» //Archivum Franciscanum Historicum. 1983. Vol. 76. P. 215–238.

Nolan E., Hirsch S. A. The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar. Cambridge, 1902.

Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1902. Vol. I–II.

Rigo A. Textes spirituels occidentaux en grec: les oeuvres d'Arnaud de Villeneuve et quelques autres exemples // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 219–242.

Rubió i Lluch A. Diplomatari de l'Orient català (1301–1409). Barcelona, 1923.

Quétif J., Echard J. Scriptores ordinis praedicatorum. Paris, 1719. T. I.

Sabbadini R. Il metodo degli umanisti. Firenze, 1922.

Santi F. Gli «scripta spiritualia» di Arnau de Vilanova // Studi Medievali. 1985. Vol. III (26). P. 995–996, 1003.

Tocco F. Due opuscoli inediti di Arnoldo da Vilanova // Archivio Storico Italiano. 1886. Vol. 18. P. 459–460.

Ullman B. L. The Origin and Development of Humanistic Script. Roma, I960.

Velmans T. Le *Parisinus grecus 135* et quelques autres peintures de style gothique dans manuscrits grecs à l'époque des Paléologues (*Cahiers archéologiques* 17). Paris, 1967. P. 209–236.